

Диана Фурсова

Развод с драконом

Ателье для маленьких чудовищ

Диана Фурсова

**Развод с драконом. Ателье
для маленьких чудовищ**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Развод с драконом. Ателье для маленьких чудовищ /
Д. Фурсова — «Литнет», 2026

Муж попросил меня закончить свадебное платье для другой женщины. Я закончила наш брак. После развода мне достались ткани, инструменты и старый павильон на пристани. Я решила открыть ателье — только первая маленькая заказчица прямо на примерке превратилась в грифона. Потом пришли мальчик с каменным панцирем, девочка-лисица и хмурый капитан-дракон, которому тоже понадобился невозможный плащ. А когда бывший муж решил, что достаточно купить землю под моим ателье, чтобы вернуть меня под контроль, я перенесла мастерскую на старый паром. Теперь я шью вещи, которые должны подходить сразу двум обликам, учусь строить своё дело и выясняю, что новая любовь тоже должна быть впору.

Содержание

Глава 1. Платье для моей замены	5
Глава 2. Пальто, из которого торчат крылья	19
Глава 3. Карманы для самого важного	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1. Платье для моей замены

— На примерке, пожалуйста, не называй меня мужем, — сказал Варден. — Я сам объясню Лавире наше положение, когда сочту момент подходящим.

Я придерживала жемчужину на свадебном рукаве, чтобы она не сдвинулась, пока затягивался последний стежок. Сквозь тонкую ткань просвечивали мои пальцы, а на раскройном столе лежало ещё несколько бусин: я собиралась предложить заказчице украсить ими пояс.

Игла замерла в ткани. Я подняла глаза на мужа и подождала, когда он объяснит, что я ослышалась.

— Какое положение ты собираешься ей объяснять? Ты говорил, что это платье для дочери твоего нового компаньона.

Варден поставил на край стола кожаную папку и отодвинул ножницы, освобождая место. На нём был тёмно-зелёный камзол, который я подгоняла в начале лета. Он отлично сидел в плечах, не собирался под поясом и не мешал движениям. Я знала это, потому что переделывала его трижды, пока муж не остался доволен.

— Так и есть. Лавира выходит замуж за меня, поэтому нам с тобой необходимо кое-что обсудить.

Я опустила взгляд на платье. Рукав всё ещё лежал у меня на ладони, невесомый, тёплый от пальцев. Захотелось стряхнуть его, будто ткань могла обжечь.

Светлый шёлк лежал на столе мягкими волнами. У ворота мерцали листья, вышитые серебром, а в глубине складок пряталась ещё одна, почти прозрачная юбка. Заказчица хотела, чтобы при ходьбе подол напоминал воду под утренним солнцем. Я придумала, как этого добиться, и последние четыре вечера не могла дожидаться, когда снова сяду за работу.

Вчера Варден принёс сладкие груши и оставил их возле моего локтя.

Я решила, что он заметил, как я устала.

— Подожди, — произнесла я, осторожно положив рукав. — Я, кажется, чего-то не понимаю. Мы ведь не обсуждали развод.

— Именно поэтому я пришёл сейчас, а не в день примерки.

Он говорил терпеливо, почти мягко. Так объясняют очевидное человеку, который почему-то отвлёкся и пропустил главное.

За открытым окном садовник передвигал лестницу. Деревянные ножки скребли по дорожке, потом раздался стук — должно быть, лестницу прислонили к стене. Этот обычный звук неожиданно помог мне удержаться за происходящее. Дом не изменился, утро продолжалось, а мужчина напротив всё ещё был моим мужем.

Только он уже обсуждал свадьбу с другой.

— Когда ты это решил?

Варден расстегнул папку.

— Предварительные договорённости появились в конце весны. До недавнего времени я не был уверен, что всё состоится, и не видел смысла тревожить тебя раньше.

В конце весны мы ездили за город. Он обещал, что осенью снова выберемся вдвоём, когда закончится торговая суета. Я даже отложила ткань на дорожный костюм. Всё выбирала между двумя оттенками, прикладывала их к лицу, спрашивала его мнение. А он уже договаривался о новой свадьбе.

— Ты предложил мне сшить платье, уже зная, для кого оно?

Он задержал руку на застёжке папки.

— Лавира увидела твои складки на выставочном плаще. Ей понравилась работа. Мы при-
слали мерки и платье-образец, ты согласилась...

— Ты сказал, что хочешь оказать любезность важной семье.

— Я и оказываю. Элсена, не нужно делать вид, будто я заставлял тебя заниматься тем, что ты ненавидишь. Ты сама говорила, что давно не работала с таким прекрасным шёлком.

У меня вдруг перестали слушаться пальцы. Я попыталась убрать иглу в подушечку, промахнулась и положила её на стол, подальше от ткани.

Он заметил это движение. Подался ко мне, как будто собирался взять за руку, но я отодвинула стул.

— Почему ты поручил это мне?

Варден выдохнул через нос. В радужке его глаз на мгновение проступило медное кольцо — верный признак того, что дракон начинал раздражаться, хотя внешне оставался совершенно спокоен.

— Потому что ты умеешь делать такую работу. Другой мастер запросил бы несколько недель, а ты всё равно проводишь большую часть дня здесь.

Я провела ладонью по краю стола. Мел запачкал пальцы. Нужно было ответить, но я смотрела на блюдо с грушами у окна. Одну мы вчера разрезали пополам; свою половину он протянул мне на ноже. Я ещё подумала: помнит, как я люблю. Теперь даже это воспоминание хотелось отодвинуть подальше.

— И что теперь? — спросила я наконец. — Я должна закончить рукав, встретить твою невесту и пожелать вам счастья?

— Сначала тебе следует выслушать моё предложение. Я не собираюсь оставлять тебя без средств.

Он вынул несколько листов и развернул их ко мне.

Варден всегда хорошо готовился к переговорам. За семь лет я не раз видела, как он выбирал нужный момент, заранее продумывал уступки и оставлял на столе именно те бумаги, которые помогали получить желаемое. До этого утра мне казалось, что дома ему не нужно ничего рассчитывать.

Оказалось, для нашего разговора тоже существовала папка.

— За тобой останется ежемесячное содержание, — продолжил он. — Я сниму для тебя удобный дом неподалёку от Верхнего моста. Там светлые комнаты, небольшой сад и место для мастерской. Ты сможешь заниматься тем, что любишь. Если появятся подходящие заказы среди моих знакомых, я передам их тебе.

Он замолчал, ожидая ответа.

Я попыталась представить этот дом. Окна, чужой сад, мои ножницы на незнакомом столе. Варден приезжает, привозит отрез дорогой ткани и объясняет, что требуется очередной важной семье. Вечером он уезжает к жене, а я остаюсь дошивать воротник.

— Кто будет решать, какие заказы мне подходят?

— Я лишь хотел избавить тебя от необходимости торговаться с посторонними.

— А если я захочу сама принимать клиентов?

— Для чего? — В его голосе появилось искреннее недоумение. — Тебе не придётся зарабатывать на хлеб.

Я посмотрела на платье. Сейчас оно казалось особенно красивым, и от этого было хуже. Я знала каждую его складку, помнила, где пришлось распустить отделку, потому что серебряная нить делала край слишком жёстким. Я придумала маленький запас под рукавом, чтобы невеста могла свободно поднять руки во время танца.

Я позаботилась даже о том, чтобы его невесте было удобно танцевать. А он не мог понять, почему я молчу.

— А Лавира знает обо мне?

— Разумеется. Ей известно, что наш брак себя исчерпал.

Я подняла на него глаза.

— Странно, что мне об этом сообщили последней.

Варден сжал губы. Несколько мгновений он рассматривал бумаги, потом подтолкнул их ближе.

— Я понимаю, ты расстроена. Но давай обойдёмся без обвинений. Союз с её семьёй открывает мне северные верфи и возможность строить собственные суда. От подобных предложений не отказываются.

Я прекрасно понимала, что значат для него верфи. Последние годы он говорил о них чаще, чем о чём-либо ещё. Я помогала выбирать образцы сукна для будущих поставок, слушала рассказы о торговых путях и радовалась каждому удачному договору.

Мне не приходило в голову спросить, есть ли в его планах место для меня.

— Мне нужно прочитать это без тебя, — сказала я.

— Поверенный придёт завтра к одиннадцати. Было бы разумно к тому времени...

— Тогда я прочитаю сегодня.

На этот раз он услышал, что продолжать разговор я не собираюсь. Собрал листы ровной стопкой, оставил папку открытой и задержался возле двери.

— Не принимай решений только потому, что хочешь меня задеть, Элсена. Я предлагаю тебе спокойную, обеспеченную жизнь.

Я не ответила. Смотрела на его руку, лежавшую на дверной ручке, и вспоминала, как когда-то ждала этого движения по вечерам. Мне нравилось, что он входит без стука, потому что здесь его тоже ждут.

Когда дверь закрылась, я ещё некоторое время сидела неподвижно.

Потом пододвинула к себе свадебный рукав, закончила последний стежок и закрепила нить. Узел получился аккуратным с первого раза. Почему-то именно это оказалось невыносимым: руки знали, что делать дальше, хотя я сама совершенно не понимала, как прожить остаток дня.

Я накрыла платье чистым полотном.

До обеда никто меня не тревожил. В доме знали, что я заканчиваю важную работу.

Бумаги я прочитала только со второй попытки.

В первый раз я дочитала страницу до конца и поняла, что не запомнила ни слова. Пришлось вернуться к началу. Потом я принесла старую тетрадь и стала выписывать суммы и условия. Цифры хотя бы не меняли смысла, сколько на них ни смотри.

Дом возле Верхнего моста принадлежал знакомому Вардена. Плата за него входила в содержание. Расходы на мастерскую предполагалось согласовывать отдельно. К предложению прилагался список имущества для единовременного раздела — на случай, если я откажусь от ежемесячных выплат.

Внизу стояло примечание: оба варианта требовали моего добровольного согласия.

Я несколько раз перечитала эту строку.

Затем достала другую папку, в которой хранила описи тканей. Варден давно перестал туда заглядывать. Ему было достаточно знать, что нужный отрез найдётся, образец будет подготовлен, а выставочные вещи останутся в порядке.

Среди бумаг лежали документы на старый павильон у Нижней пристани.

Я хорошо его помнила. Мы использовали его на двух осенних ярмарках, пока торговый дом не снял постоянные залы в верхней части города. Павильон остался стоять возле воды, за ним приглядывал смотритель пристани, а я иногда отправляла туда вещи, которым не находилось места в домашних шкафах.

У него были большие окна, отдельная подсобка и высокий потолок. Стены собирались из прочных деревянных щитов и соединялись болтами, спрятанными под резными планками. Когда-то его перевозили между ярмарками, поэтому внутри ничего не было сделано намертво.

Я разложила документы на столе.

Само строение принадлежало Вардену, а землю под ним он арендовал у хозяйки частной пристани. По последней квитанции место оставалось оплаченным ещё на тридцать дней.

До вечера я пересчитывала ткани и составляла список инструментов. Возле каждого названия ставила маленькую галочку. Ещё одна вещь, которую смогу унести. Ещё одна причина завтра подняться с постели.

Потом всё-таки заплакала.

Это случилось из-за старой коробки с пуговицами, которую Варден однажды привёз мне из поездки. Среди обычных костяных и перламутровых там лежала одна нелепая — в виде толстого золотистого жука. Я долго смеялась и спрашивала, к чему, по его мнению, можно пришить такое чудовище. Он сказал, что совершенно не представляет, но решил: раз я умею находить применение всему, то и жуку что-нибудь придумаю.

Коробка семь лет стояла у меня под рукой.

Я закрыла её, прижала ладонью крышку и позволила себе несколько минут ничего не делать. Мне было жаль не северных верфей и не дома. Я всё ещё любила человека, который утром принёс в мою мастерскую условия расставания, и не могла избавиться от этого чувства по собственному приказу.

Когда слёзы закончились, за окном уже зажгли фонари.

Я убрала коробку к инструментам. Жук пока оставался без назначения, но бросать его из-за Вардена я не собиралась.

Муж пришёл после ужина. Я услышала его шаги, прежде чем он появился в дверях, и успела вытереть лицо мокрым полотенцем.

— Ты посмотрела предложение?

— Посмотрела. Ежемесячное содержание мне не подходит. Я выбираю единовременный раздел.

Он сразу перевёл взгляд на разложенные описи.

— И что ты хочешь получить?

— Запасы моей мастерской, оборудование, выставочный павильон на Нижней пристани. Разницу между их стоимостью и положенной мне суммой — деньгами. Личные вещи я перечислила отдельно, чтобы завтра не тратить на это время.

Варден взял лист. На слове «павильон» его брови сошлись.

— Ты собираешься там работать?

— Для этого он подходит.

— Элсена, рядом разгружают муку и лес. Это не место для хорошей портнихи.

— Там тоже носят одежду.

Он коротко посмотрел на меня, словно проверял, не шучу ли я, и вернулся к списку.

— Место оплачено ненадолго.

— На тридцать дней. Я видела квитанцию и собираюсь договориться о продлении.

— В доме, который я предложил, тебе не пришлось бы думать о таких вещах.

— Зато пришлось бы согласовывать с тобой всё остальное. Я не хочу так жить после развода.

Слово далось труднее, чем я ожидала. До этой минуты оно оставалось в бумагах или звучало из его уст. Теперь я произнесла его сама и ощутила, как мало сил у меня осталось.

Варден отложил опись.

— Я не собираюсь тобой командовать.

Я посмотрела на его папку. Ещё один спор, ещё десяток терпеливых объяснений — и к ночи я опять буду сомневаться, вправе ли хотеть чего-то другого. Нет. Сначала нужно было добиться подписи.

— Тогда внеси мои условия в соглашение. Окончательный развод, раздельное имущество и никаких обязательств принимать заказы твоего торгового дома.

Он прошёлся до окна и обратно.

— Ты привыкла работать в удобстве. Когда столкнёшься с настоящими клиентами, многое будет выглядеть иначе.

— Я принимала заказы до замужества.

— Семь лет назад.

— Я всё ещё умею шить, Варден. Ты ведь сам только что доверил мне свадебное платье.

Он остановился возле стола.

Я не получила удовольствия от его выражения лица. Мне было слишком грустно, чтобы радоваться удачной реплике. Но впервые за весь день он посмотрел на накрытый наряд так, будто заметил в этой истории что-то неприятное не только для себя.

— Платье готово, — продолжила я. — Расчёт за мою работу я приложила к списку. Все изменения для окончательной посадки отмечены на бумаге. Другой мастер разберётся.

Варден поднял второй лист.

— Раньше ты не выставляла мне счетов.

— Раньше ты был моим мужем и просил помочь нашему делу. Теперь это чужой свадебный заказ.

Он провёл большим пальцем по краю бумаги и больше не стал спорить о платье.

На следующий день поверенный прочитал соглашение вслух.

Я сидела напротив Вардена, стиснув руки под столом. Поверенный переворачивал страницы, а я при каждом шорохе поднимала глаза: вдруг муж сейчас остановит его. Скажет, что мы поторопились. Попросит остаться. Я злилась на себя за это ожидание и всё равно ждала.

Он лишь уточнил, включён ли в стоимость павильона старый выставочный прилавок.

Прилавок включили.

Поверенный отдельно указал, что строение переходит мне в собственность, а действующая аренда места сохраняется до указанной в квитанции даты. Я попросила внести в перечень крепления, оконные ставни и внутренние перегородки. Варден посмотрел с некоторым удивлением, но согласился.

Перо заскользило в пальцах. Я вытерла ладонь о юбку, снова взяла его и придвинула лист так близко, что перестала видеть Вардена.

Я написала своё имя полностью: Элсена Ровель. Девичья фамилия вышла непривычно неровной, хотя когда-то я выводила её на каждой бирке с готовой работой.

Поверенный сверил подписи, скрепил соглашение печатью и отметил расторжение брака в реестровой книге, которую принёс с собой. Потом передал мне мой экземпляр. Я получила деньги, ключ от павильона и плату за свадебный наряд. Варден сидел через стол от меня — уже бывший муж. Между нами за те несколько минут ничего не изменилось, и от этого было особенно трудно встать.

К этому часу сундуки уже стояли внизу.

Я забрала всё, что требовалось для работы: ножницы, иглы, утюги, мерные ленты, деревянные колодки для рукавов, коробки с нитками. Ткани пришлось увязать в несколько больших тюков. В последнюю очередь я сняла с крючка потёртый рабочий передник.

Варден наблюдал из дверей.

— Ты можешь вернуться за вещами позже, если что-нибудь забудешь.

— В описи всё отмечено. Здесь остаётся только то, что не принадлежит мне.

Он оглянулся на пустеющие полки и, кажется, лишь теперь понял, сколько места занимала моя работа.

Я спустилась последней. У входа возчик закреплял на нанятой подводе сундук, а один из домашних работников передавал ему свёртки с тканью.

Варден вышел вслед за мной.

— Я распоряжусь, чтобы твои письма доставляли на пристань. А если передумаешь насчёт дома...

— Письма, пожалуйста, пересылай. Насчёт дома я не передумаю.

Мне пришлось смотреть на ремень дорожной сумки, пока я это говорила. Стоило поднять глаза, и я могла снова увидеть не человека с папкой, а мужа, которого знала столько лет.

Он отступил, пропуская меня.

Я села рядом с возчиком и проверила, хорошо ли закрыт сундук с инструментами. Когда подвода тронулась, Варден всё ещё стоял на крыльце. Я заметила его в последний раз между двумя цветущими кустами возле ворот, а затем мы повернули на улицу, и дом исчез из виду.

Возчик некоторое время молчал, потом спросил:

— На Нижнюю пристань к самому берегу или сначала к смотрителю?

Я была благодарна ему за этот вопрос.

На него я хотя бы знала ответ.

Внизу город оказался гораздо шумнее, чем мне запомнилось.

Семимостье жило возле воды совсем другой жизнью. Здесь не придерживали экипажи, чтобы пропустить важных гостей, зато останавливались ради тележки с тяжёлым грузом. Над головами перекликались рабочие, у весов спорили из-за мешка зерна, а из открытой двери пекарни пахло горячим хлебом.

Мой павильон стоял чуть в стороне от основного причала, между лавкой верёвок и небольшим складом.

Под пылью на окнах ещё угадывалась прежняя нарядность. Резные углы изображали переплетённые ветви, крыша выступала над входом, защищая ступени от дождя. На верхней доске золотыми буквами было написано название торгового дома Вардена.

Я спрыгнула с подводы и вставила ключ в замок.

Дверь открылась с таким недовольным скрипом, что возчик сочувственно покачал головой.

— Петли бы смазать.

— Начну с того, что впущу сюда воздух.

Внутри пахло сухим деревом, пылью и давно закрытым помещением. Я распахнула ставни, сняла с прилавка серое покрывало и увидела знакомую царапину на столешнице. На первой ярмарке Варден поставил сюда тяжёлый сундук с образцами, хотя я просила сначала подложить ткань.

Теперь царапина тоже досталась мне.

Пока возчик заносил вещи, я осмотрела подсобку. Там хватало места для полок, небольшого рабочего стола и ширмы. В главной комнате можно было устроить примерочную и поставить второй стол поближе к окну. Крыша выглядела целой, пол не пружинил, а ставни закрывались на прочные внутренние засовы.

Я ещё раз проверила засов и задержала ладонь на нагретом солнцем подоконнике. Здесь можно было работать. Впервые за весь день я выдохнула до конца.

Смотритель пристани пришёл сам, привлечённый разгрузкой. Он оказался сухощавым пожилым человеком с дощечкой для записей и привычкой внимательно смотреть на обувь собеседника. Мои городские туфли явно вызвали у него сомнение, но документы он проверил без замечаний.

— Значит, теперь здесь будете торговать вы?

— Открою мастерскую. Пошив и починка одежды. Мне нужно обсудить продление аренды места.

Он перевернул квитанцию.

— Пока у вас всё оплачено. Новые заявления я передаю хозяйке в конце недели. Напишите, на какой срок рассчитываете, чем будете заниматься и сколько места используете.

— Я могу оформить ещё три месяца?

— Просить можете. Подтверждение будет письменным, заранее за это денег не берут.

Я уточнила, куда отправят ответ, и попросила отметить, что павильон сменил владельца. Смотритель дождался, пока я напишу заявление, поставил на моём экземпляре дату принятия и убрал второй лист в свою дощечку.

Потом посмотрел на тюки.

— Только на проход ткань не выставляйте. Здесь тележки ходят.

— На проходе у меня будет разве что коврик.

— Коврик прибейте по краям, а то унесут вместе с чьими-нибудь сапогами.

После его ухода я впервые улыбнулась.

До вечера мы с возчиком успели поставить тяжёлый стол, сдвинуть прилавок и занести все свёртки. Остальное я делала уже сама. Вымыла окно возле рабочего места, протёрла полки и разобрала инструменты, чтобы утром не искать иглы среди постельного белья.

Когда стемнело, пришлось признать, что в павильоне мне негде ночевать.

На этот случай я заранее расспросила смотрителя о комнатах поблизости. Он указал на дом над лавкой столового полотна, и его хозяйка согласилась сдать мне небольшую комнату с окном во двор. Я осмотрела замок, договорилась об оплате на неделю и отнесла наверх дорожную сумку.

Комната была простой, но чистой. На узкой кровати лежало полосатое покрывало, у стены стояли кувшин с водой и деревянный таз. До павильона отсюда можно было дойти за несколько минут.

Ужин я купила в пекарне и съела у окна.

Потом пересчитала деньги.

Денег пока хватало. Я разложила монеты на столе, отделяя плату за комнату от будущих расходов на мастерскую. Перевозка, вывеска, мелкие покупки — каждая кучка становилась меньше быстрее, чем хотелось. Нанимать помощницу было рано. Прежде чем обещать кому-то заработок, нужно было заработать самой.

Я записала расходы на чистой странице.

Под ними собиралась оставить место для доходов, но рука замерла. Пустое пространство вдруг показалось слишком большим.

Тогда я перевернула страницу и составила список дел на утро.

Это оказалось легче.

Первый рабочий день начался с того, что я никак не могла снять доску с названием торгового дома.

Два крепления поддались сразу, третье заржавело и упорно держало букву «К» над моей головой. Я стояла на табурете, придерживала доску плечом и старалась не думать, насколько нелепо сейчас выгляжу.

Наконец крепление поддалось. Доска качнулась, оказавшись тяжелее, чем я ожидала; я перехватила её обеими руками и осторожно опустила на прилавок. На обороте дерево было светлым и гладким. Оставалось очистить края — и можно писать своё имя.

Я долго прикидывала, как расположить буквы, чтобы фамилия поместилась целиком. Потом написала:

«Элсена Ровель. Пошив и починка одежды».

Слова заняли почти всю доску. Для завитков места уже не осталось, но людям у пристани, пожалуй, важнее было понять, что здесь чинят одежду. Я прислонила вывеску к стене сохнуть и принялась развешивать образцы.

У окна поставила манекен с лёгкой накидкой, которую когда-то сделала для выставки. Её край складывался в ровные мягкие волны, но при движении расправлялся, позволяя вытянуть руку. Рядом повесила два воротника и образец широкого пояса. На полке разложила недорогую шерсть, несколько отрезков плотного полотна и ткани для подкладки.

Самый дорогой шёлк пока оставила в сундуке.

Я сомневалась, что кому-то из проходящих мимо грузчиков срочно понадобится свадебный наряд с жемчугом.

Когда вывеска заняла место над входом, я отступила на несколько шагов.

В окнах отражалась река. Сквозь отражение были видны ткани, мой стол и коробка с ножницами. Всё выглядело скромнее, чем я привыкла, зато на доске стояло моё имя.

Я ещё не успела вернуться внутрь, когда возле двери остановилась женщина с корзиной.

— Вы уже открылись?

Сердце толкнулось в горло. Я поспешно вытерла испачканные краской пальцы о передник.

— Да, проходите.

Она заглянула в павильон.

— А где теперь продают дорожные сундуки? Раньше здесь были хорошие, с железными углами.

Я объяснила, как найти новые залы торгового дома, и проводила её взглядом.

После этого до полудня никто не пришёл.

Я успела ещё раз переставить воротники, подмести возле порога и исправить кривоватую букву на маленькой табличке с часами работы. Потом заставила себя сесть за стол и заняться полезным делом: подготовить образцы простых швов и проверить, какие нитки придётся докупить в первую очередь.

Время от времени по улице проходили женщины, но они смотрели на ткани мельком и спешили дальше. Дважды у окна останавливались дети. Один мальчик показал другому на манекен, они о чём-то заспорили и убежали.

К полудню я уже узнавала шаги людей, которые проходили мимо, не замедляясь. Дома работа всегда ждала меня на столе. Здесь приходилось ждать самой.

Первый настоящий клиент появился после полудня.

Это был широкоплечий мужчина с обветренным лицом и тяжёлой курткой, перекинутой через руку. Он остановился на пороге, посмотрел на манекен и на всякий случай уточнил:

— Рабочие вещи тоже берёте или у вас только такое нарядное?

— Беру. Покажите, что нужно сделать.

Он разложил куртку на прилавке. Шов под рукавом разошёлся, а рядом ткань заметно вытянулась.

— Зашить покрепче, — объяснил мужчина. — Мне её уже дважды чинили, но как руки подниму, опять расходится. Может, нитки нужны другие.

Я провела пальцами по шву, осмотрела подкладку и попросила его надеть куртку.

— Поднимите руку так, как поднимаете на работе.

Он потянулся к верхней полке, и вся куртка поползла вверх, стягивая плечо.

— Видите? — сказал он. — Опять та же история.

— Здесь дело не только в нитках. Рукав тянет за собой спинку. Можно зашить как было, но тогда ткань начнёт расходиться рядом. Я бы добавила небольшие вставки, чтобы вы могли двигаться свободнее.

Мужчина нахмурился.

— Заплаты будут сильно видны?

Я достала подходящий кусочек тёмного сукна и приложила к куртке.

— Они окажутся под руками. Если специально не показывать, никто не заметит. Работа займёт около часа.

Он посмотрел на ткань, затем снова поднял руку, будто проверял, действительно ли вся беда в тесном рукаве.

— Сколько возьмёте?

Я едва не назвала цену за простой шов. Привычка успокаивать человека раньше, чем он успеет отказаться, оказалась сильнее, чем я думала.

Пришлось мысленно прибавить материал, нитки и собственное время.

— Восемь медных вместе со вставками.

— Тогда делайте. Я пока схожу к весам и обратно.

Он оставил куртку, и в павильоне сразу стало иначе. Теперь у меня на столе лежала не вещь, которую я раскладывала для привлечения покупателей, а настоящий заказ.

Я распорол неудачный шов, убрала старые нитки и выкроила две вставки. Сукно оказалось чуть плотнее, чем требовалось, поэтому пришлось уменьшить толщину припусков и особенно аккуратно соединить подкладку. Ничего волшебного в этой работе не было, но я давно не получала такого удовольствия от простого, понятного дела.

Когда мужчина вернулся, куртка уже ждала на прилавке.

Он надел её, несколько раз поднял руки, потом обхватил себя за плечи.

— Надо же. А я думал, придётся новую покупать.

— Новая с таким же рукавом вела бы себя не лучше.

Он ещё раз потянулся вверх и довольно хмыкнул.

— Можно и на пароме работать, и с людьми показаться. Вы здесь надолго?

— Рассчитываю остаться.

— Тогда я запомню.

Он отсчитал монеты и вышел, продолжая проверять куртку на ходу.

Восемь медных лежали на прилавке. Я пересчитала их, хотя мужчина отсчитал всё при мне, и сыпала в ладонь. Монеты приятно оттянули пальцы. Моя работа. Мои деньги.

Мне захотелось немедленно кому-нибудь об этом рассказать.

Я даже повернулась к двери, а потом вспомнила, что вечером никто не спросит, как прошёл мой день.

Пришлось сесть и записать первый доход.

Через полчаса пришла пожилая женщина с юбкой, которую нужно было укоротить. Мы обсудили длину, я отметила подгиб и пообещала подготовить вещь к следующему полудню. Затем заглянул мальчик из соседней лавки — узнать, можно ли принести отцовский жилет с потерянной застёжкой.

Я согласилась и дала ему кусочек бумаги, чтобы он передал дома цену.

К вечеру я то и дело поглядывала на две записи в тетради. Куртку уже забрали, юбка ждала подгиба, а завтра мальчик обещал принести жилет. У мастерской появлялось завтра.

Я не разбогатела, не прославилась и даже не успела толком пообедать. Зато уже знала, что вывеску стоит повесить чуть ниже: люди замечали её только у самой двери. Завтра нужно будет выставить у окна не только нарядную накидку, но и образец хорошей рабочей починки.

Я как раз подкалывала юбку, когда в павильон вошли женщина и маленькая девочка.

На посетительнице был простой дорожный плащ, тщательно вычищенный и чуть выцветший на плечах. Одной рукой она придерживала сумку, а другой — ладонь девочки, которая с порога уставилась на мою накидку.

— Простите, вы ещё работаете? — спросила женщина.

— Да, проходите. Я как раз закончила с примеркой.

Девочка подняла голову.

— А это настоящее?

Она показывала на край накидки, где в складках пряталась узкая полоса золотистой ткани.

— Настоящее, — ответила я. — Можешь посмотреть поближе, только сначала вытри руки вот этой салфеткой.

Она с готовностью подчинилась, причём вытерла не только ладони, но и каждый палец по отдельности. После этого подошла к манекену так осторожно, словно он мог испугаться и уйти.

Женщина тем временем поставила сумку на край прилавка.

— Меня зовут Дейра. А это Фирли. Нам вас посоветовали... Вы сегодня переделывали куртку боцману с парома?

— Да, он был моим первым клиентом.

— Он всем показал, что теперь может поднять руки. Мой брат сказал, раз мастер замечает, почему вещь мешает двигаться, возможно, нам тоже стоит зайти.

Я невольно улыбнулась.

Рекомендация звучала не так изящно, как отзывы дам о свадебной вышивке, зато была совершенно понятной.

— Что вам требуется?

Дейра посмотрела на дочь.

— Нарядное пальто. У моей матери скоро семейный праздник, и Фирли очень хочет приехать в чём-нибудь красивом. Только у нас есть одна особенность, о которой лучше сказать сразу.

Девочка перестала трогать накидку.

Я заметила, как напряглись её плечи под свободной дорожной одеждой. Она не обернулась, но явно слушала каждое слово.

— Расскажите, — попросила я.

— Фирли умеет принимать второй облик. Пока не всегда тогда, когда собирается. Нам нужна вещь, которую не придётся снимать при каждом превращении.

Я посмотрела на девочку внимательнее.

Ей было лет шесть. Светло-каштановые волосы собрали в две короткие косички, перевязанные разными лентами. На ней была просторная серая накидка с боковыми завязками. Одна завязка болталась, потому что узел затянули не до конца.

Для дороги такая вещь подходила. Для семейного праздника, особенно в представлении шестилетней девочки, — вряд ли.

— И какой у тебя второй облик? — спросила я, обращаясь к Фирли.

Она оглянулась на мать, дождалась кивка и ответила:

— Грифон. Только небольшой, я ещё расту.

— Это важно учитывать при примерке.

Фирли повернулась ко мне всем корпусом.

— Вы не скажете, что мне лучше оставить вот это?

Она взяла пальцами край серой накидки.

Она спросила буднично и уже начала отпускать край накидки. Видимо, ответ знала заранее. Дейра опустила глаза к сумке, и мне захотелось, чтобы девочка ещё немного подержала ткань: не сдавалась так быстро.

— Мы были в нескольких мастерских, — объяснила она. — Одни работают только с человеческим обликом. Другие готовы сшить два отдельных комплекта, но Фирли не всегда успевает переодеться. Нам предложили ещё одну дорожную накидку. Она удобная, я ничего не говорю, просто...

— Я хочу рукава, — сказала девочка. — И чтобы было красиво, когда я иду, а не только когда сижу.

Я отложила мел.

Фирли разгладила серую ткань на животе. Я вспомнила, как сама в детстве прятала ладони в слишком длинные рукава, чтобы никто не заметил чужой подгиб. Как же ей хотелось, чтобы на этот раз вещь сшили для неё.

Только вот для грифонов я никогда не шила. Ни в одной из моих выкроек не было места для крыльев, и от этого жалеть девочку становилось ещё мучительнее: она ждала помощи именно от меня.

— Фирли, я пока не знаю, получится ли у меня именно такое пальто, — сказала я. — Мне нужно посмотреть, как устроены оба твоих облика, и подумать над кроем. Обещать готовую вещь сейчас было бы нечестно.

Девочка слегка ссутулилась.

— Значит, не получится?

— Значит, сначала придётся поработать над образцом. Это не одно и то же.

Фирли оглянулась на мать, проверяя, можно ли всё-таки обрадоваться. Дейра осторожно спросила:

— И сколько стоит такая работа?

Вот теперь разговор становился по-настоящему серьёзным.

Я уже прикинула, какой сиреневый отрез достану из сундука, и заставила себя остановиться. Ни выкройки, ни удачного образца у меня пока не было. Фирли ждала ответа. Дейра крепче сжимала ручки сумки. Обнадёжить их было легко; потом пришлось бы отвечать за каждое слово.

— Сегодня я возьму мерки и сделаю предварительный рисунок, — ответила я. — Денег за готовое пальто пока не принимаю, потому что не знаю, смогу ли его сшить. Для образца возьмём недорогое полотно. Прежде чем резать хорошую ткань, я объясню вам устройство вещи и назову стоимость. Если она не подойдёт, мы остановимся на этом этапе.

Дейра разжала пальцы на ручке сумки.

— Так было бы разумно. Я принесла старое пальто для сравнения, а запись мерок второго облика осталась на пароме у брата. Он помогал нам делать эту дорожную накидку.

Фирли вздохнула.

— Дядя хорошо умеет, чтобы не дуло. А чтобы красиво, у него всё время получается одинаковое.

Я посмотрела на аккуратные боковые завязки и широкую полосу укрепления на плечах. Накидка действительно напоминала небольшое укрытие от ветра, сделанное человеком, который отлично понимает толк в прочности.

— Тогда попробуем добавить к удобству что-нибудь ещё, — предложила я.

Фирли подошла к столу без прежней настороженности.

Я достала тетрадь, чистый лист, мерную ленту и попросила её встать на невысокую подставку перед зеркалом. Дейра развязала боковые ленты накидки, чтобы они не мешали. Под ней оказался обычный свободный передник, который тоже держался на легко распускающихся завязках.

— Всё устроено так, чтобы ничего не затягивалось при превращении, — пояснила мать, заметив мой взгляд. — Достаточно потянуть, и боковые петли расходятся.

Я кивнула и начала с длины будущего пальто.

Фирли пыталась стоять прямо, но всё время поворачивалась к окну, где лежали цветные отрезки. Когда я попросила немного развести руки, она старательно вытянула их в стороны и тут же спросила:

— А рукава можно сделать не серые?

— Рукава лучше сделать в цвет пальто. Какой цвет тебе нравится?

— Сиреневый. Только не такой тёмный, как у старых слив, а светлый. И чтобы пуговицы были разные.

Дейра открыла рот, вероятно, собираясь возразить, но я успела спросить:

— Совсем разные или похожие, но каждая со своим рисунком?

Фирли задумалась с такой серьёзностью, что я едва удержалась от улыбки.

— С рисунком лучше. Чтобы можно было выбрать, с какой начинать застёгивать.

— Мы посмотрим, что найдётся.

Я записала мерки плеча и руки. Потом попросила её опустить ладони и показала, где примерно будет заканчиваться пальто.

— Здесь удобно? Оно не будет мешать бегать.

Девочка одобительно посмотрела на своё отражение.

— А карман можно сделать глубокий?

— Что ты собираешься в нём носить?

Фирли сунула руку под накидку и достала деревянный кораблик.

Он был небольшой, тщательно вырезанный, с широким дном и мачтой, на которую натянули треугольный лоскут. Один край паруса уже успел разлохматиться.

Девочка поставила кораблик на ладонь.

— Его дядя сделал. Только сейчас он всё время у мамы в сумке, потому что, когда я меняюсь, достать неудобно.

Я взяла кораблик с её разрешения и приложила к листу бумаги, отмечая размер. Фирли сразу придвинулась, чтобы посмотреть, что я делаю.

— Для такого груза понадобится отдельный карман, — сказала я. — С обычным он может цепляться мачтой.

— А можно, чтобы я сама доставала?

— Именно это и нужно будет проверить.

Я вернула кораблик хозяйке.

Мы ещё немного поговорили о пуговицах и воротнике. Фирли хотела воротник, который красиво лежит, но не щекочет подбородок, и на этом наши предпочтения полностью совпали.

Затем я достала образец складки.

Это был узкий прямоугольник ткани, на вид ничем не примечательный. По одному краю шли частые сгибы, закреплённые памятной нитью. Если потянуть за обе стороны, они раскрывались, давая запас ширины, а после возвращались на место.

Я использовала такие складки на накидках, дорожных юбках и рукавах, где требовалась свобода движения.

Фирли смотрела, как ткань становится шире, и постепенно наклонялась всё ближе.

— Она растёт?

— Нет, ткани здесь ровно столько, сколько было. Смотри, я прячу лишнюю ширину между сгибами, а потом освобождаю.

— А если отпустить?

Я ослабила пальцы, и складки неторопливо легли обратно.

Фирли восторженно выдохнула.

— Мама, ты видела? Она сама вспомнила, как было!

Дейра улыбнулась, но тут же насторожилась.

— Фирли, осторожнее...

Девочка уже расправила руки, словно собиралась показать, сколько ткани ей понадобится. По её плечам прошла золотистая рябь. Я успела убрать мерную ленту, а Дейра потянулась к завязке у ворота.

В следующую секунду на подставке вместо девочки оказался грифон.

Превращение произошло без грохота и вспышек.

Просто передо мной вдруг стало гораздо больше перьев, чем я ожидала.

Золотистая грудка, большие птичьи лапы, пушистые львиные бока и два пока сложенных крыла заняли почти всю подставку. Серая накидка распустилась по бокам и легла на спину, а хвост, закончившийся тёмной кисточкой, свесился к полу.

Фирли моргнула круглыми глазами и попробовала посмотреть на себя в зеркало.

Для этого она повернулась.

Крыло задело край мерной ленты, хвост смахнул с подставки мел, а одна передняя лапа оказалась слишком близко к деревянному краю.

Я придержала подставку и пододвинула её к стене, чтобы она не могла опрокинуться.

— Не спеши, здесь теснее, чем кажется.

Грифон замер, послушно прижав крылья.

Дейра выдохнула.

— Простите. Она не специально. Когда сильно радуется, иногда...

— Ничего страшного не случилось. Только кораблик лучше пока положить на стол.

Фирли осторожно разжала передние когти. Оказывается, игрушку она успела прижать к груди ещё до превращения.

Я взяла её и поставила подальше от края.

Теперь, когда всё перестало двигаться, я могла рассмотреть свою посетительницу.

Накидка устроилась на её спине вполне удобно, но спереди собралась тяжёлой складкой. Тот самый карман, из которого девочка доставала кораблик, оказался далеко сбоку. Дотянуться до него передней лапой было трудно, особенно не наступив на край ткани.

Рукава обычного пальто здесь действительно не помогли бы.

Я присела, чтобы оказаться с Фирли примерно на одном уровне. Она посмотрела на меня и тихонько щёлкнула клювом, будто собиралась что-то сказать, но передумала.

— Теперь я понимаю, почему тебе неудобен карман.

Дейра перестала торопливо поправлять накидку.

— Вы всё ещё думаете, что можно попробовать?

Я провела взглядом от передних лап к основаниям крыльев.

Сложить лишнюю ширину я умела. Удержать нужную форму — тоже. Но передо мной были не просто другие размеры. Менялись положение плеч, длина корпуса и сама манера двигаться. То, что подходило девочке, могло потянуть крыло, а удачное место для человеческого кармана превращалось в совершенно недоступное для грифона.

Я снова посмотрела на свои записи. Почти каждую мерку предстояло снять заново.

Но впервые за трое суток мне хотелось придвинуть стул и остаться у стола подольше. Не для того, чтобы переждать вечер. Я уже думала о выкройке.

— Попробовать можно, — ответила я. — Только сначала придётся понять, куда девать рукава и как освободить крылья. Не хочу обещать, что получится с первой попытки.

Фирли подалась вперёд и осторожно ткнулась клювом в образец складки, который всё ещё лежал у меня в руке.

Я не удержалась от улыбки.

— Да, с ним тоже поработаем. Но один только красивый сгиб нам всего пальто не сошьёт. В дверях раздался негромкий стук.

Я подняла голову и увидела мужчину в тёмном дорожном плаще. Он остановился на пороге, не пытаясь протиснуться между матерью и подставкой, хотя снаружи уже начинал капать дождь. На плече у него блестели капли, а волосы были растрёпаны так, словно ветер на пристани давно считал их своей собственностью.

Мужчина посмотрел на грифона, на серую накидку и на кораблик возле моей тетради. Затем встретился со мной взглядом.

В его серо-золотых глазах зрачки на мгновение сузились в тонкие вертикальные полосы.
Ещё один дракон.

Я машинально выпрямилась, всё ещё держа в руке образец ткани.

— Тарвин, мы немного задержались, — сказала Дейра. — Элсена согласилась посмотреть, что можно сделать.

Фирли взмахнула хвостом и издала радостный звук. Мужчина придержал дверь, чтобы она не качнулась от ветра, и улыбнулся мне с осторожной надеждой человека, который уже не раз слышал отказ.

— Вы ещё не отказались? Тогда я принесу мерки крыльев.

Глава 2. Пальто, из которого торчат крылья

— Принесите, пожалуйста, — ответила я. — Только мне понадобятся не одни мерки. Нужно понять, как Фирли ходит, садится и складывает крылья. Пока у меня получается наряд для очень красивого, но совершенно неподвижного грифона.

Тарвин перевёл взгляд на племянницу, которая как раз пыталась дотянуться хвостом до собственного отражения.

— Неподвижной она бывает, когда спит, да и то не всегда. Я вернусь через несколько минут.

Он прикрыл за собой дверь, а Фирли проводила его негромким возмущённым клёкотом. Кораблик по-прежнему стоял возле моей тетради. Я отодвинула его подальше от ножниц, убрала с пола мел и попросила Дейру помочь дочери спуститься с подставки. После появления крыльев места для примерки стало заметно меньше.

На полу Фирли почувствовала себя увереннее. Обошла манекен, заглянула под прилавок и остановилась возле сундука с тканями. Я заметила, как при каждом движении менялось положение серой накидки: она то собиралась между крыльями, то сползала к шее.

— Можно попросить её пройти ещё раз, только помедленнее? — спросила я Дейру.

— Просите сами, она вас прекрасно понимает. Просто отвечать в этом облике ей неудобно.

Я присела возле стола.

— Фирли, пройди, пожалуйста, до зеркала и обратно. Представь, что на тебе уже новое пальто и ты показываешь его бабушке.

Грифон немедленно выпрямился. Хвост поднялся над полом, крылья прижались к бокам, и моя посетительница прошествовала через мастерскую с таким достоинством, что Дейра отвернулась, пряча улыбку.

На обратном пути Фирли решила добавить поворот.

Серая накидка съехала набок.

Я успела придержать её край и мысленно поблагодарила себя за то, что не начала кроить, опираясь только на мерки.

— А теперь сядь, как садишься обычно, когда никто не смотрит.

Фирли опустила задние лапы, вытянула передние и сразу стала похожа на ребёнка, которому надоело стоять красиво.

— Вот это мне и нужно, — сказала я, делая пометку. — На празднике ведь тоже придётся когда-нибудь перестать показывать пальто и заняться чем-нибудь более интересным.

Дейра поставила рядом с дочерью сумку.

— Обычно самое интересное начинается возле стола с пирогами. До маминого праздника ещё почти две недели, поэтому мы можем приходить на примерки. Только скажите заранее, в какое время вам удобно.

Я посмотрела на юбку, отложенную возле окна, и на список завтрашних дел. Мне хотелось сразу пообещать, что через несколько дней Фирли получит свой наряд, но пока я даже не знала, сколько у него окажется необходимых швов.

— Первый образец попробуем послезавтра после полудня. До этого я сделаю выкройку и проверю, достаточно ли у меня подходящих материалов.

Когда Тарвин вернулся, Фирли уже снова была девочкой и сидела рядом с матерью за ширмой, поправляя завязки передника. Мужчина принёс свёрнутый лист, исписанный крупными цифрами. На обороте был нарисован грифон с неожиданно прямой спиной.

— Здесь длина корпуса, здесь расстояние между основаниями крыльев, — пояснил он, положив лист на свободный край стола. — Остальное лучше перемерить. Она умудряется вырастать именно там, где мы этого не предусмотрели.

Я разгладила бумагу.

Изображение напоминало одновременно Фирли и грузовое судно, если бы кто-нибудь решил снабдить его лапами. Отдельно были обозначены места крепления накидки, а возле хвоста стояла короткая пометка: «Не затягивать».

— Вы чертили это для её дорожной одежды?

— Я объяснял парусному мастеру, что требуется. Потом мы вместе сделали пробу из старого полотна.

— Поэтому крепления такие прочные.

— Поэтому оно хотя бы не остаётся на причале, когда Фирли поворачивается.

Девочка выглянула из-за ширмы.

— Но на праздник в нём нельзя. Бабушка сказала, что можно, а я всё равно знаю, что оно дорожное.

— Теперь я тоже это знаю, — признал Тарвин.

Он пододвинул к себе карандаш, но прежде, чем что-либо исправить на листе, посмотрел на меня.

— Можно показать, где край тянет сильнее всего?

Я кивнула.

Он провёл линию от плеча к боку и объяснил, как накидка ведёт себя на ветру. Я слушала, иногда задавая вопросы. Тарвин помнил, каким крылом Фирли задевала ограждение, с какой стороны ей удобнее прижимать игрушку. Постепенно я перестала следить за его зрачками и придвинула рисунок ближе к нам обоим.

Когда мы одновременно наклонились над рисунком, его рукав коснулся моего запястья. Ткань была холодной от дождя, а ладонь, придерживавшая бумагу, — тёплой. Я чуть отодвинулась, освобождая место, хотя места на самом деле хватало.

— Не нужно закрывать складкой вот этот участок, — сказала я, показывая на рисунок. — Крылу потребуется свободный выход.

Тарвин сразу убрал руку.

— Я умею считать нагрузку на крепления, но в крыльях под пальто разбираюсь хуже, чем хотелось бы. Здесь лучше решайте вы.

Он положил карандаш возле моей руки и подождал. Мне не пришлось доказывать, что я знаю свою работу.

Я поймала себя на том, что мне приятно продолжать этот разговор.

Прежде чем уйти, Дейра оставила старое пальто Фирли для сравнения, а Тарвин написал на обороте листа свою фамилию и место стоянки парома.

— Спросите капитана Эйрдена, если потребуется что-нибудь уточнить. Сестра живёт через две улицы отсюда, но днём бывает у нашей матери, а я обычно на воде или возле погрузки.

Фирли забрала кораблик и ещё раз посмотрела на выставочную накидку.

— А новое пальто тоже будет само вспоминать, как лежать?

— Сначала мне придётся научить его не мешать тебе двигаться. Красивые складки будем проверять вместе.

Она удовлетворённо кивнула, как будто мы заключили вполне серьёзное соглашение.

После их ухода я свела рядом человеческие мерки, размеры крыльев и очертания кораблика. На бумаге они решительно не хотели уживаться. Я уже потянулась убрать листы, но вспомнила, как Фирли держала свою серую накидку, ожидая отказа.

Я придвинула лампу и взяла чистый лист.

К полудню следующего дня юбка была готова, а жилет, принесённый мальчиком из соседней лавки, получил новую застёжку. Я отдала оба заказа вовремя и только после этого разложила на столе полотно для Фирли.

За утро мне трижды пришлось остановиться, чтобы не вырезать деталь по привычному человеческому крою.

Обычный рукав предполагал плечо, которое остаётся на одном месте. Здесь после превращения менялось почти всё: длина спины, положение передних лап, ширина груди. Крыльям требовались отдельные выходы, а хвост нельзя было запереть под подолом.

Памятная нить помогала удерживать складки, но не могла придумать их за меня.

Я сделала бумажную пробу, соединила её временными стежками и попыталась разложить на столе двумя способами. В человеческом облике запас ткани прятался вдоль боков и под рукавами. В грифоньем раскрывался, позволяя передним частям лечь вдоль груди, а задним — укрыть спину.

На бумаге всё выглядело убедительно.

Бумага вообще оказалась исключительно удобным заказчиком. Она не садилась, не поднимала крыльев и не требовала карман для кораблика.

К вечеру я нашла первое слабое место: рукав пытался сложиться раньше, чем раскрывалась боковая вставка. Пришлось изменить направление закрепляющих стежков. После этого я ещё несколько раз растянула и собрала пробу, прежде чем перенести линии на полотно.

Я не стала работать всю ночь. В назначенное время закрыла павильон, поужинала и унесла в комнату только лист с заметками. Однако перед сном всё равно поднялась с кровати, чтобы перечеркнуть один лишний шов.

На следующей примерке Фирли появилась раньше матери.

Вернее, сначала в дверях показалась её голова, потом ладонь Дейры, придерживавшая дочь за плечо, и лишь затем обе посетительницы вошли внутрь.

— Мы не опоздали? — спросила девочка, хотя до назначенного времени оставалось ещё немного.

— Ты пришла как раз к тому моменту, когда я закончила убирать нитки.

Первый образец висел на манекене. Он был сшит из небелёного полотна, без подкладки и красивой отделки. Складки удерживали цветные намёточные стежки, чтобы я могла сразу видеть, какой участок ведёт себя неправильно.

Фирли остановилась перед ним.

— Оно пока похоже на мешок, который решил стать пальто.

— Пока так и есть, — согласилась я. — Но мешок старается. Если он справится, настоящее пальто будет сиреневым.

Дейра улыбнулась, а дочь позволила увести себя за ширму.

В человеческом облике проба села почти так, как я рассчитывала. Рукава не мешали поднять руки, ворот лежал ниже подбородка, подол не путался в ногах. Я поправила правый бок и попросила Фирли несколько раз нагнуться.

После этого мы проверили карман.

Кораблик вошёл в него свободно. Для мачты я оставила достаточно места, а широкий клапан можно было поднять даже неловкими пальцами.

— Я сама достала! — объявила девочка и тут же повторила действие, чтобы убедиться, что получилось не случайно.

Я впервые за примерку отпустила край стола, за который держалась свободной рукой.

Я попросила Дейру проверить, всё ли удобно на плечах, убрала булавки и ослабила временные крепления возле крыльев. На полу перед зеркалом мы оставили свободное место для превращения.

Тарвин заглянул в мастерскую как раз тогда, когда Фирли выпрямилась и сосредоточенно зажмурилась.

— Я ненадолго, — предупредил он. — У нас скоро отход. Можно посмотреть?

Дейра жестом указала ему на место возле двери.

Я ещё раз проверила боковые петли.

— Фирли, не торопись. Если что-нибудь потянет, сразу остановимся.

По волосам девочки прошла знакомая золотистая рябь. Ткань зашевелилась, складки начали раскрываться одна за другой, а затем между ними появились крылья.

Первые несколько мгновений мне казалось, что всё получилось.

Рукава легли вдоль передних лап, спинка расправилась, освобождая шею. Возле оснований крыльев оставалось ровно столько полотна, сколько я заложила в складки.

Фирли повернула голову к боку.

Карман исчез.

Я шагнула ближе и увидела его между крыльями.

Оттуда выглядывала мачта кораблика.

Грифон недоверчиво покосился на собственную спину, потянулся передней лапой, не достал и попробовал обернуться в другую сторону. Карман послушно повернулся вместе с ней.

Тарвин кашлянул.

Я услышала, как Дейра с трудом удержала смех, но сама пока могла только смотреть на маленький деревянный парус, торчавший у моей заказчицы за плечами.

Фирли замерла, потом ещё раз протянула лапу назад.

— погоди, я помогу, — сказала я и подняла клапан.

Девочка-грифон недовольно щёлкнула клювом.

Она хотела достать кораблик сама.

Я вынула игрушку и положила перед ней. Затем осторожно провела пальцами вдоль боковой складки. При превращении эта часть поднялась к спинке, как я и задумала, но карман поднялся вместе с ней. Я предусмотрела, куда девать ткань, и не проследила, куда уедет всё пришитое к ней.

Тарвин присел возле племянницы.

— Судно пришло не к тому причалу, — заметил он.

Фирли посмотрела на него, потом на кораблик и вдруг издала короткий довольный звук. Когда через несколько минут она снова стала девочкой, первое, что я услышала, было:

— У меня получилась верхняя палуба. Только мне туда нельзя.

Она смеялась. Я попробовала улыбнуться вместе с ней, но щёки горели так, словно меня поймали на обмане.

Столько часов над выкройкой — и я не заметила, куда уедет карман. А ведь именно о нём Фирли просила с самого начала.

Дейра помогла дочери снять пробу.

— Может, сделать кораблик поменьше? — предложил Тарвин, взяв игрушку. — Мачту можно складывать, тогда он войдёт в карман спереди.

Фирли сразу протянула руку.

— Но ты же сделал ему хороший парус. Я не хочу, чтобы он всё время лежал.

Тарвин отдал ей кораблик.

— Тогда оставим как есть.

Я развернула пробу на столе.

— Размер игрушки здесь ни при чём. Я пришила карман к подвижной детали. Пока Фирли была девочкой, всё находилось на своём месте, а после превращения карман оказался там, где я освободила ткань для крыльев.

Дейра наклонилась над цветными стежками.

— То есть само пальто получилось, а карман нужно переделать?

— Придётся изменить и боковые складки, — объяснила я, показывая, как они тянут за собой полотно. — Иначе карман снова уползёт вверх. Ошибка моя, я её исправлю.

— Сколько мы вам должны за сегодняшний образец?

Я подняла глаза.

— За него ничего. Вы не заказывали пальто, из которого ребёнок не может достать собственную вещь.

— Но полотно и работа...

— Часть полотна пойдёт во вторую пробу. Остальное останется у меня для других проверок. В готовом заказе будет оплачена пригодная вещь, а не все мои попытки её придумать.

Последние слова дались труднее первых. Я посмотрела на распоротое полотно и удержалась от желания немедленно пообещать всё исправить уже к завтрашнему утру.

Дейра убрала кошелек, но не стала сразу собираться.

— Тогда давайте ещё раз решим, что нам действительно нужно. Может быть, от чего-то можно отказаться.

Я придвинула к Фирли стул.

— Ты тоже помогай. Пальто ведь твоё.

Мы начали с украшений.

На первом рисунке я успела разместить пышный воротник, несколько рядов мелкой отделки и длинные завязки у плеч. Они красиво смотрелись на бумаге, но теперь, после прогулки кармана между крыльями, мне хотелось избавиться от всего, что усложняло движение без настоящей необходимости.

Фирли внимательно выслушала мои объяснения.

— Завязки не нужны, — решила она. — Они на накидке всё равно лезут куда попало.

— А от большого воротника можно отказаться? — спросила Дейра.

Дочь потрогала собственную шею.

— Если маленький тоже будет красивый.

Я нарисовала закруглённый ворот и показала, как он ляжет в обоих обликах.

Рукава Фирли оставила. Сиреневый цвет — тоже. Пуговицы с разными рисунками сочла обязательными, но после недолгого раздумья согласилась, что длинная бахрома ей совершенно не нужна.

— В ней кораблик запутается, — пояснила она.

— Кораблик у нас уже успел повлиять на половину выкройки, — заметил Тарвин, взглянув на часы. — Боюсь, если задержусь ещё немного, он начнёт определять и расписание паррома.

Он поднялся, но у двери остановился.

— Элсена, старую накидку можно оставить для сравнения. Дейра принесла вторую, на случай дождя. А этот рисунок...

Я машинально потянулась к листу с мерками.

— Он мне ещё нужен.

— Я хотел спросить, не сделать ли вам чистую копию. На этой уже трудно разобрать, где мои линии, а где ваши.

Я посмотрела на бумагу, испещрённую поправками.

— Спасибо, я сама перенесу нужное. Ваши мерки хорошо видны, просто я успела с ними поспорить.

Он улыбнулся, на этот раз не сдерживая выражения лица, и мне внезапно стало досадно, что ему нужно уходить.

Когда дверь закрылась, я снова повернулась к Фирли.

— Покажи, как ты берёшь игрушку передней лапой. Не превращайся пока, просто объясни.

Девочка положила ладонь на кораблик, потом прижала его к груди.

— Сначала я придерживаю, чтобы не упал. А потом беру клювом, если лапой неудобно.

— Значит, клапан должен открываться не только вверх, — сказала я, больше себе, чем ей. — И карман нельзя уводить под крыло.

Я приложила игрушку к передней детали, потом к боковой и наконец поняла, что всё время ищу место для обычного кармана в необычном пальто. Между тем ему необязательно было двигаться вместе с большим запасом ткани.

Потребовалась отдельная небольшая часть, связанная с грудкой, а не со спинкой.

Я нарисовала её поверх прежней выкройки.

Я обвела новую деталь, стёрла неровный участок и провела линию заново. Не терпелось вырезать её из полотна: на этот раз карман должен был остаться там, где Фирли сможет его достать.

Следующие два дня прошли между обычными заказами и переделкой пробы. По утрам я занималась починкой, после полудня освобождала стол для полотна. Несколько раз покупатели заставляли меня за странным занятием: я растягивала маленькую модель пальто на двух деревянных формах, которые заменяли разные положения тела.

Одна женщина спросила, не шью ли я чехол для складного стула.

Я объяснила, что пока сама не вполне уверена, на что это больше похоже.

Ко второй примерке я отделила подвижную спинку от карманной части. Памятные складки теперь раскрывались последовательно: сначала освобождали крылья, потом отдавали ширину бокам. Рукава собирались мягче, а край подола не тянул за собой всё остальное.

Карман я оставила ближе к передней лапе. У него появился широкий боковой вход, а внутри — маленький упор для деревянного корпуса кораблика, чтобы тот не переворачивался.

Каждое изменение пришлось проверить руками. Там, где нить пыталась вернуть ткань раньше времени, я меняла направление стежка. Где образовывался лишний комок, убирала ненужную складку.

К вечеру перед примеркой у меня наконец получилось несколько раз разложить пробу без перекоса.

Я аккуратно убрала её в тканевый чехол и отправилась домой. По дороге поймала себя на том, что выбираю в пекарне булочку не для того, чтобы поскорее поужинать и продолжить думать о неприятностях, а потому, что действительно захотела булочку.

За последние дни это тоже было достижением.

Во второй раз Фирли сначала проверила карман.

Ещё до превращения она достала кораблик, убрала обратно, подняла руки и снова достала. Я не мешала: некоторые вещи заказчик должен был одобрить сам.

Потом Дейра помогла ей встать перед зеркалом.

Тарвин пришёл вместе с ними, но сразу предупредил, что через четверть часа ему придётся уйти. Он остался возле окна, откуда мог видеть примерку и не мешать нам перемещаться вокруг девочки.

Я проверила застёжки и отступила.

Ткань задвигалась, раскрывая заложенный запас. Крылья вышли через подготовленные разрезы, прикрытые широкими складками. Передние части легли вдоль грудки, рукава мягко собрались над лапами.

Карман остался внизу, сбоку от груди.

Фирли посмотрела на него, потом на меня.

Я присела рядом. Лишь бы сейчас не потянуло спинку. Лишь бы маленькие когти дотянулись до клапана.

— Попробуй открыть.

Она зацепила край клапана, придержала его лапой и подцепила кораблик клювом за широкую деревянную часть. Парус свободно прошёл через отверстие.

Через мгновение игрушка лежала перед ней на полу.

Дейра тихо выдохнула.

Я уже улыбалась, но всё ещё смотрела на правое крыло: складка возле него не расправилась до конца.

— Теперь пройди до двери. Только не выходи, пожалуйста.

Фирли прошла, вернулась и села. Карман качнулся, но не уехал под крыло. Я попросила её расправить крылья по одному, затем снова сложить, наклониться к игрушке и повернуться.

Одна складка возле правого рукава легла неровно. Я отметила место мелом, не снимая пробу.

Фирли села, встала, обернулась к матери. Ткань двигалась вместе с ней. Я ждала знакомого перекося — а его всё не было.

Когда Фирли снова стала девочкой, она первым делом сунула руку в карман.

— Он остался здесь!

— Для этого мы и старались, — ответила я, хотя голос прозвучал не так ровно, как хотелось.

Она ещё дважды сменила облик, с небольшими перерывами. После каждого превращения мы проверяли рукава, крылья, ворот и карман. На третьей проверке Фирли уже начала скучать и спросила, обязательно ли каждый раз ходить до двери.

— Не обязательно, — сказала я. — На сегодня достаточно.

— Тогда в настоящем можно будет просто носить кораблик, а не всё время показывать, что я его достаю?

— Именно так.

Она обняла мать за талию.

Дейра наклонилась к ней, что-то прошептала, и я отвернулась к столу, давая им несколько мгновений. Только теперь обнаружилось, что я всё это время сжимала мел так крепко, что он оставил белые следы на ладони.

Тарвин подошёл ближе.

— Теперь я понимаю, почему мои завязки не помогали, — сказал он. — Я старался крепче удержать ткань там, где ей требовалось двигаться.

— Вашу накидку я использовала как подсказку. В ней хорошо устроен выход для крыльев.

— Значит, хотя бы один шов переживёт наше сотрудничество.

Я засмеялась раньше, чем успела сдержаться.

Он посмотрел на меня с улыбкой, и на несколько секунд разговор закончился сам собой. Я заметила светлую полоску у него на запястье, где обычно лежала перчатка, и то, как он придерживал край стола не всей ладонью, а только пальцами, чтобы не задеть разложенные детали.

Мне пришлось напомнить себе, что я собиралась достать образцы ткани.

В сундуке нашёлся подходящий светло-сиреневый отрез. Шерсть была мягкой, но достаточно плотной для прохладных дней. Я разложила рядом два варианта подкладки и показала Дейре, чем они отличаются.

Фирли выбрала ту, которая меньше шуршала.

Потом настала очередь пуговиц. Мы нашли несколько одинаковых по размеру, но с разными резными рисунками: листом, звездой, цветком и маленьким кораблём. Девочка долго рассматривала последнюю и наконец спросила, можно ли пришить её ближе к карману.

— Так я не забуду, где у меня настоящий, — объяснила она.
Я согласилась.

Перед тем как резать шерсть, я показала Дейре расчёт. Материал, подкладка, застёжки и работа вместе выходили в семь серебряных. За испорченную первую пробу отдельной строки не было.

Дейра просмотрела лист внимательно, но без недоверия.

— Я могу оставить три сейчас, а остальное принесу, когда будем забирать пальто.

Мы записали срок и договорились о заключительной примерке. Я отложила предоплату отдельно от денег за починку: часть этой суммы должна была покрыть материалы, и тратить её на что-нибудь другое было нельзя.

Тарвин за это время успел попрощаться с племянницей.

У двери он обернулся.

— В день выдачи у меня рейс до позднего вечера. Дейра сама придёт. Только не отдавайте Фирли пальто в мешке, она всё равно не позволит его туда положить.

— Я всё слышу, — сообщила девочка, не отрываясь от пуговиц.

— Именно поэтому и предупреждаю заранее.

Он ушёл, а я ещё несколько секунд смотрела на закрывшуюся дверь, прежде чем вернулась к расчёту.

Я представила, как он увидит Фирли в сиреновом пальто, и поймала себя на желании непременно оказаться рядом в ту минуту.

Потом вспомнила Вардена и растерялась. Мне ещё было больно из-за одного мужчины, а я уже ждала возвращения другого. Я перевернула лист со сметой. Разобраться в этом за сегодняшний вечер всё равно не получилось бы.

Настоящее пальто заняло ещё три дня.

В плотной шерсти некоторые складки вели себя иначе, чем в полотне, поэтому пришлось добавить запас на толщину и заново проверить боковую деталь. Я не стала прятать все швы под отделкой, пока не убедилась, что они лежат правильно. Особенно тщательно обработала края возле крыльев: там ничего не должно было цепляться за перья.

Обычные заказы я тоже не откладывала. Юбки, жилеты и рабочие куртки оплачивали текущие расходы, пока я училась шить вещи, которых прежде не делала.

К завершению пальто пришлось продлить оплату комнаты ещё на неделю. Я занесла расход в тетрадь и снова посмотрела на заявление об аренде места под павильоном. Ответа пока не было. Смотритель подтвердил, что бумаги переданы хозяйке, и посоветовал зайти позже.

Пока у меня оставалось время, но я отметила дату на первой странице тетради, чтобы не забыть о ней среди примерок.

Фирли пришла за пальто с матерью и сразу увидела его возле зеркала.

На несколько мгновений она даже перестала разговаривать.

Сиреневая ткань мягко светилась в дневном свете. Небольшой ворот лежал ровно, пуговицы отличались рисунками, а в складках у спины прятался весь запас, необходимый для второго облика. Снаружи вещь выглядела просто нарядным детским пальто.

Дейра помогла дочери надеть его.

Фирли застегнула сначала пуговицу с кораблём, затем остальные, провела ладонями по рукавам и посмотрела на себя сбоку.

— Оно не похоже на мешок, — сказала она с явным облегчением.

— Я передам мешку, что его старания заметили.

Девочка улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной.

Мы проверили оба облика, прошлись по мастерской и ещё раз достали кораблик. В настоящей ткани карман держал форму лучше, чем в пробе. При превращении спинка раскрывалась плавно, а по возвращении в человеческий облик складки сами укладывались вдоль боков.

Дейра присела перед дочерью и поправила ворот.

Потом отняла руки.

Поправлять больше ничего не требовалось.

— Можно я пойду в нём домой? — спросила Фирли.

Мать посмотрела на меня.

Я убедилась, что все наметочные нитки убраны, и кивнула.

— Только после дождя не сушите его вплотную к огню. Повесьте свободно и дайте складкам лечь самим. Если через несколько дней заметите, что где-то мешает, сразу приходите.

Дейра отсчитала оставшиеся четыре серебряных.

Я выписала ей расчёт, отметила получение денег и передала небольшую бумагу с простыми указаниями по уходу. Затем вложила в карман запасную пуговицу, завернув её отдельно от кораблика.

Деньги я убрала в коробку. А потом снова посмотрела на Фирли: моё первое пальто в новой мастерской, и внутри него — довольная девочка, которой больше не хотелось снимать наряд сразу после примерки.

Когда Фирли вышла на пристань, она остановилась перед витриной соседней лавки, чтобы ещё раз посмотреть на отражение. Дейра не стала торопить её. Они постояли рядом, потом девочка сунула руку в карман и достала кораблик просто потому, что теперь могла.

Я закрыла тетрадь и некоторое время стояла возле окна.

На столе остались обрезки сиреневой шерсти. Из самых маленьких можно было сделать образец новой складки для витрины, а те, что побольше, стоило сохранить на будущую подгонку.

Я аккуратно перевязала их тесьмой и подписала свёрток именем Фирли.

К вечеру Тарвин всё-таки зашёл.

Он принёс сложенный лист и передал мне с такой осторожностью, словно бумага могла обидеться на небрежное обращение.

— От Фирли. Она нарисовала себя в новом пальто и велела непременно отдать вам.

Я развернула рисунок. С листа на меня смотрели две Фирли: девочка и грифон. У каждой красовался огромный карман, занимавший почти половину тела, а над карманом возвышался кораблик. Внизу старательными буквами было выведено: «Оба мои».

— Она сама написала? — спросила я.

— Мать помогла только с одной буквой. Остальное Фирли велела не трогать.

Я положила рисунок на край прилавка, подальше от ножниц, и разгладила сгиб. «Оба мои». Ради этих двух слов стоило распороть ещё десять образцов.

— В таком кармане можно перевозить ещё одного грифона.

— Не говорите ей об этом. Она уже спросила, сможете ли вы сшить пальто для её кораблика, чтобы ему тоже было красиво.

Я улыбнулась и ещё раз пригладила лист. Тарвин задержал взгляд на моих руках.

— Вы сегодня довольны работой?

Я чуть не ответила, что закончила вовремя. Привычные слова уже готовы были сорваться с языка, но я посмотрела на двух сиреневых существ и позволила себе ненадолго забыть про сроки.

— Кажется, да, — произнесла я. — Хотя теперь вижу, что первый рисунок был слишком сложным.

— А я сегодня видел Фирли на причале. Она показала пальто всем, кто не успел спрятаться за грузом. По-моему, её сложность совершенно устраивает.

Он не стал задерживаться. У него ещё оставались дела на пароме, а у меня — незаконченный воротник для другого клиента.

Когда я проводила его до двери, наши руки на мгновение встретились на задвижке.

Тарвин отступил, давая мне открыться.

Я поймала себя на том, что не тороплюсь убирать ладонь.

Потом с улицы донёсся окрик рабочего, и обычный шум пристани вернулся на своё место. Я пожелала Тарвину спокойного вечера, закрыла дверь и переставила рисунок Фирли так, чтобы видеть его от рабочего стола.

На следующее утро Дейра привела новых посетителей.

С ней пришли мальчик с отцом и девочка постарше с матерью. Фирли шла впереди в своём сиреновом пальто и явно считала себя человеком, который лучше всех знает дорогу.

— Я сказала, что вы умеете делать рукава, — объявила она с порога. — Но про панцирь не обещала, потому что мы его ещё не пробовали.

Дейра развела руками.

— Мы встретились у знакомых. Мевик и Рэсса давно собирались искать новые вещи к осенней ярмарке. После рассказа Фирли решили хотя бы поговорить с вами.

Мальчик держал свёрнутый жилет. Он был светловолосым, сосредоточенным и прежде, чем войти, тщательно вытер ноги. Его отец, крепкий мужчина с древесной пылью на рукаве, дождался, пока сын сам подойдёт к столу.

— Мне восемь, — сообщил мальчик, хотя я ещё не успела спросить. — А жилет от двоюродного брата. Он высокий, поэтому здесь всё пришлось подвернуть.

Он разложил вещь.

Подгиб был аккуратным, но слишком широким. На плечах тоже виднелись следы переделки.

— Меня зовут Мевик. Я становлюсь каменной черепахой. Не такой большой, как отец, но панцирь у меня уже широкий.

Я посмотрела на его отца. Тот кивнул.

— Мы пробовали свободную накидку, но она всё время сползает. Жилет удобнее, только застёжка после превращения оказывается снизу, а спина остаётся открытой.

Мевик осторожно потрогал передний край.

— И можно, чтобы на новом не было видно, где раньше был брат?

Отец Мевика потянулся поправить подвёрнутый край, но остановился. Мальчик смотрел только на меня.

Я перевернула жилет, посмотрела на внутренние швы и вернула его мальчику.

— Можно начать с твоих мерок и больше ничьих. Только сначала мне нужно увидеть, как меняется форма тела.

Рэсса, ожидавшая рядом, прижала к груди папку.

— А у меня не панцирь, — предупредила она. — Я лисица. Серебристая, из ветровых. Мне не надо ничего очень тёплого, иначе бегать неудобно. Мне нужно, чтобы рисунки не мялись.

Ей было десять, и говорила она быстрее Мевика, словно опасалась, что мы забудем о её заказе. Под мышкой у неё торчал угол помятого листа.

Мать аккуратно вытащила его и положила передо мной.

На рисунке был паром у пристани. Я узнала очертания береговых складов и даже свой павильон, хотя Рэсса прежде сюда не заходила.

— Я рисовала с другого берега, — пояснила девочка. — А потом превратилась, и всё сложилось вместе с одеждой.

Поперёк рисунка проходили две глубокие складки.

Я посмотрела на папку.

— Весь альбом ты хочешь носить с собой или несколько отдельных листов?

— Хотя бы несколько. Мама говорит, можно оставлять их дома, но дома я вижу только двор.

Её мать вздохнула.

— Я занимаюсь переплётом и могу сделать любую папку. Но до сих пор не придумала, куда её крепить на лисице, чтобы она не мешала. Поэтому мы пришли не спорить, а посоветоваться.

Я освободила часть стола.

Я положила рядом жилет Мевика и помятый рисунок. Пальто Фирли ещё вчера казалось готовым ответом на все вопросы. Теперь передо мной сидели двое детей, которым этот ответ совсем не подходил.

У Мевика менялась не только длина корпуса, но и высота спины. У Рэссы, напротив, одежде предстояло собраться вокруг гораздо более узкого тела. Бумага при этом не могла уменьшиться вместе с ней.

— Сегодня посмотрим и запишем, — сказала я. — До расчёта и примерки ничего не обещаю.

Мевик кивнул так серьёзно, будто именно этого ответа и ждал.

Сначала я попросила его отца помочь с мерками. Для превращения мы освободили место за ширмой, а потом Мевик вышел оттуда уже маленькой каменной черепахой под простой свободной накидкой.

Он двигался неторопливо и неожиданно тихо. Панцирь был серым, с гладкими выступами по краям. Когда мальчик останавливался, под ним исчезала большая часть лап, а вместе с ней — всё, что мы могли бы принять за удобное место для застёжки.

Я присела и попросила его пройти несколько шагов.

Фирли тоже присела рядом, прижав ладонями полы пальто.

— У тебя зато карман никогда не окажется между крыльями, — сказала она с некоторой завистью.

Мевик повернул к ней голову и моргнул.

Рэсса хихикнула, но тут же прикрыла рот ладонью.

Через несколько минут мы вернулись к человеческим меркам, а затем подошла её очередь. Серебристая лисица оказалась легче и подвижнее, чем я представляла. Рэсса успела обойти стул, заглянуть в зеркало и сесть рядом со своей папкой прежде, чем я закончила записывать длину спины.

Я не стала сразу прикладывать к ней жёсткий лист. Сначала попросила пройти под невысокой перекладной, затем повернуться и лечь.

Рисункам требовалась защита, но девочке не нужен был на спине неподвижный короб.

Когда Рэсса снова появилась из-за ширмы, я показала ей две пробные формы, сложенные из плотной бумаги.

— Вот эта сможет лежать ближе к боку, а эта — вдоль спины. Какая будет удобнее, решим на следующей примерке.

— А можно не делать её похожей на ящик? — спросила девочка.

— Для этого я и не стала сразу брать дерево.

Её мать одобрительно кивнула.

Мы ещё обсуждали возможные размеры, когда у двери появилась соседняя торговка из лавки шнуров и тесьмы. За прошедшие дни мы успели только поздороваться несколько раз.

Она посмотрела на детей, на серую накидку Мевика и на рисунок Фирли возле прилавка.

— Я всё думаю, отчего у вас столько возни. Прежде здесь хоть понятно было, чем торговали. А теперь пора вывеску менять: ателье для маленьких чудовищ, иначе и не назовёшь.

Мевик сразу прижал жилет к груди.

Дейра выпрямилась, а мать Рэссы перестала складывать бумаги.

— Здесь шьют одежду, — сказала я. — Сегодня детям снимают мерки. Они никому не мешают.

— Я же не со зла. Просто перья, хвосты, панцири...

— На примерках встречается и не такое. Что вы хотели спросить?

Торговка перевела взгляд на меня, помедлила и наконец указала на моток тесьмы возле двери. Он лежал так, что издали мог показаться оставленным у порога мусором.

— Думала, вам не нужен. Я такие остатки забираю для упаковки.

— Этот нужен для работы.

Она пожала плечами и ушла.

Несколько мгновений никто не говорил.

Потом Мевик тихо спросил:

— Мне лучше приходить, когда здесь пусто?

Я опустила на соседний стул, чтобы не отвечать ему сверху вниз.

— Тебе лучше приходить в то время, на которое мы договоримся. Ты такой же заказчик, как остальные.

Его отец положил ладонь сыну на плечо.

Рэсса тем временем взяла карандаш.

— Чудовища у неё какие-то скучные получаются, — заметила она, глядя на дверь. — Можно я нарисую нормальных?

Мать хотела что-то сказать, но девочка уже перевернула чистой стороной лист.

Первым появился грифон в пальто.

Фирли придвинулась ближе.

— Карман сделай большой. И крылья не забудь, они у меня красивые.

— Я вижу, какие они у тебя, — ответила Рэсса, не отрываясь от рисунка.

Рядом она изобразила черепаху в нарядном жилете-накидке. Мевик некоторое время наблюдал молча, а потом осторожно попросил:

— Только зубов не рисуй. У меня нет таких зубов, как обычно рисуют чудовищам.

— Здесь никто никого не кусает, — сказала Рэсса и добавила ему маленькую застёжку.

Последней появилась лисица с плоской папкой у бока.

Под рисунком Рэсса оставила место для подписи, но потом задумалась и повернула лист ко мне.

— А можно эти слова написать сверху? Только так, чтобы было понятно: они не страшные, они нарядные.

Я посмотрела на Мевика: мальчик, который несколько минут назад готов был спрятаться вместе со своим жилетом, уже наклонился над рисунком и забыл прикрывать пуговицы.

Фирли уже выбирала, какого цвета должны быть крылья на рисунке. Мевик рассматривал свой будущий жилет и, кажется, впервые с начала разговора забыл о чужой переделанной вещи в руках.

— Вам самим нравится такое название? — спросила я. — Мы вовсе не обязаны его оставлять.

— Мне нравится грифон, — ответила Фирли. — Он мой.

— Если с рисунком, тогда нравится, — сказал Мевик.

Рэсса пожала плечом.

— Она сказала так, будто у нас всё некрасивое. А у нас будет красивое.

Её мать посмотрела на меня и едва заметно улыбнулась.

Я достала тонкую гладкую дощечку, оставшуюся от упаковочного ящика. Для основной вывески она была мала, но под рисунок подходила.

— Тогда сделаем отдельно. Моё имя останется над дверью, чтобы люди знали, кто здесь работает.

Рэсса оживилась.

Мать сходила в свою мастерскую за красками и вернулась с небольшой коробкой. Пока дети обсуждали цвета, мы с Дейрой перенесли на доску слова: «Ателье для маленьких чудовищ».

Рэсса нарисовала под ними трёх нарядных существ.

Я разрешила ей оставить крылья чуть больше настоящих. Мевик выбрал для своего жилета тёмно-зелёный цвет, а Фирли настояла, чтобы сиреневое пальто было видно даже тому, кто проходит по другой стороне улицы.

К тому времени, когда рисунок закончили, краска ещё блестела.

Мы оставили доску сохнуть на свободной полке.

Рэсса забрала свою помятую работу с паромом, но перед уходом обернулась.

— Только не снимайте потом, когда придут важные покупатели.

Я посмотрела на неё, потом на новую вывеску.

— Она останется здесь.

На следующий день я закрепила маленькую доску изнутри витрины, на уровне глаз проходящих мимо людей. Над дверью по-прежнему висело моё имя, а ниже теперь красовались грифон, черепаха и лисица.

Первой остановилась женщина с корзиной белья. Она прочитала надпись, заглянула внутрь и спросила, беру ли я обычные переделки.

Я показала ей образец починки возле окна и объяснила, когда смогу принять заказ.

После неё подошли двое мальчишек. Они долго спорили, способен ли нарисованный грифон летать в пальто, а потом один из них позвал младшую сестру посмотреть на лисицу.

К обеду я трижды доставала мерную ленту и несколько раз объясняла, что готовых вещей на продажу пока нет. Люди всё равно оставались у витрины, рассматривали рисунок, заглядывали внутрь. Табличка, которую мы вчера мастерили с детьми, делала то, чего не сумела моя аккуратная вывеска.

Позднее зашёл Тарвин. Перед рисунком он задержался и с капитанской серьёзностью осмотрел кораблик в кармане грифона.

— Мачта на месте. Значит, изображение достоверное.

— Это работа Рэссы, — сказала я. — Девочки, которая рисует паромы.

— Тогда нужно сказать ей, что на моём судне не хватает одной швартовой тумбы.

— Только не начинайте с этого! Она ещё обидится и нарисует вас за бортом.

Он взглянул на волны под паромом.

— Постараюсь сначала похвалить воду.

Мне захотелось показать ему новую пробу для Мевика, и я уже потянулась к столу, когда услышала его имя с пристани.

Тарвин обернулся на оклик.

— Сегодня не задержусь. Мы принимаем груз раньше обычного.

Я кивнула и поймала неожиданное разочарование.

Он заметил лежащую на прилавке выкройку.

— Это тоже для двух обликов?

— Пока я пытаюсь убедить её, что их действительно два.

— Тогда надеюсь увидеть, чем закончатся переговоры.

Он ушёл, а я ещё некоторое время улыбалась, раскладывая детали. Потом пришла заказчица за подшитой юбкой, и пришлось вернуться к работе.

Новая вывеска оставалась у окна.

К концу дня я уже привыкла видеть в стекле не только отражение реки, но и трёх нарядных существ, которые получились у Рэссы чуть самоувереннее настоящих.

Ещё через два дня родители вернулись без детей.

Я как раз проверяла, не будет ли будущая накидка Мевика сползать при его обычном движении. Для этого пришлось сделать выпуклую форму из плотно набитого чехла и несколько раз переставить крепления.

Дейра остановилась у стола.

— Мы ненадолго, но разговор будет не только о Фирли.

За ней вошли отец Мевика и мать Рэссы. В руках у последней была папка, гораздо толще той, в которой дочь носила рисунки.

Я убрала ножницы и освободила место.

— Что случилось?

— Помните, мы говорили об осенней ярмарке? — начала Дейра. — В этом году дети прибрежных мастерских участвуют в общем празднике. Для их показа выделяют время в ярмарочном павильоне торгового дома Кроуста. Родители договариваются о нарядах заранее, чтобы не бегать по всему городу в последние дни.

Мать Рэссы раскрыла папку.

На первом листе стояли имена. Напротив каждого было несколько пометок: возраст, второй облик, что требуется сшить.

Я увидела крылья, хвосты, панцири и ещё несколько особенностей, с которыми прежде не работала.

— Я показала матерям пальто Фирли, — продолжила Дейра. — Потом они увидели рисунок на вашей вывеске. Мы сразу объяснили, что одинаковых вещей для всех не будет и сначала нужно разговаривать с вами.

Отец Мевика положил на стол ещё один лист.

— У каждой семьи свои возможности. Здесь отметили, что кому требуется. Кто-то хочет только верхнюю одежду, кому-то нужен весь наряд. Предоплату готовы внести после расчёта, но сначала вы должны сказать, возьмётесь ли за такую работу.

Я провела взглядом по списку.

Имен было гораздо больше, чем я ожидала.

На соседнем столе лежала законченная рабочая куртка, возле окна ждали своей очереди два воротника, а для Мевика и Рэссы у меня пока имелись только предварительные решения.

Я перевернула лист, надеясь увидеть, что часть списка относится к чему-нибудь другому.

На обороте продолжались имена.

— Мы не включали сюда уже оплаченное пальто Фирли, — пояснила Дейра. — Это новые заказы. До ярмарки ещё четыре недели, и родители готовы приходить на примерки по очереди.

Я посмотрела на свои руки, испачканные мелом, потом на маленькую вывеску у окна.

Три нарисованных заказчика весело смотрели в сторону пристани. Они явно не собирались предупреждать меня, сколько работы может прийти следом.

Дейра придвинула список ближе.

— Элсена, вы возьмётесь сшить к осенней ярмарке двадцать комплектов одежды?

Глава 3. Карманы для самого важного

Отец Мевика уже потянулся к кошельку, когда я положила ладонь на список.

— Не доставайте деньги, пожалуйста. Сначала мне нужно понять, что именно я могу вам обещать. Если я останусь работать одна, к ярмарке успею сшить только часть этих вещей.

Он убрал руку, а Дейра посмотрела на пустующий стул возле окна. Ещё недавно мне казалось, что в павильоне слишком много свободного места. Теперь я мысленно расставляла здесь людей и обнаруживала, что каждому потребуются стол, свет и возможность поднять локоть, не столкнув на пол чужую работу.

— Вы собираетесь искать помощниц? — спросила мать Рэссы.

— Придётся, если мы договоримся. Я могу передать сборку и отделку, но ра

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.